

которая художественность писателя привыкла измерять по степени запальчивости его анти-большевицких выступлений. Ремизова уже неоднократно обвиняли в тайных симпатиях к «советской России», забывая, что он попросту продолжает любить Россию, подчеркивали его духовную связь с

«советскими писателями», не понимая, что писатели эти у Ремизова учились и ему подражают.

Очевидно в благодарность за все то, что сделано Ремизовым в нашей словесности, и пущено в ход базарное остроумие ского журналиста, которого легко узнать и по ушам и по копыту.

За рубежом

БУНИН МОЛОДЫМ ПИСАТЕЛЯМ.

Мы не принадлежим к числу поклонников Бунина критика и неоднократно высказывались в «Воле России» против ряда его литературно критических суждений. Но объективность требует отметить последнее выступление Бунина, с которым мы совершенно согласны. В парижской газеты «Последние Новости», литературный отдел которой отличается большой случайностью и невыдержанностью, была помещена статья Г. Адамовича о разнице между французской и русской душой. На нее отвечает Бунин, защищая изобразительность в искусстве. «Адамович в горестном недоумении: ну, еще раз будет описана лунная ночь, а дальше что?». Я бы тоже мог недоумевать: «ну, еще раз будет сказано про то, что Петербург «призрачный город», или про Медного Всадника, или про усталость от бессонных ночей в «Бродячей Собаке», а дальше

что?». Если лунная ночь описана скверно или банально, не будет, конечно, ровно ничего «дальше». А если хорошо, то есть настоящим художником, который, конечно, не фотографией лунной ночи занимается, и всегда говорит, прежде всего, о своей душе, эту ночь так или иначе воспринимающей, то уж «дальше» непременно что-нибудь будет. Адамовичу, кажется, хочется, чтобы души наши вращались в какой-то чудесной лустоте, где нет ни дня, ни ночи, ни улиц, ни полей, а так только — одне изысканные души». Бунин совершенно справедливо указывает, что ведь и для передачи внутренних переживаний надо их изобразить, описать, и для этого недостаточно восклицаний или нечленораздельных звуков.

Адамович, очевидно, прельщен тем направлением современной французской литературы, которое изгоняет всякие описания природы и вещей, вообще внешнего мира, во имя изображения всей

полноты и многообразия мира внутреннего. Один молодой французский писатель недавно в беседе с автором этих строк весьма удивлялся, что в русских повестях и романах «до сих пор еще» описывают пейзаж, природу, обстановку: «у нас, говорил он, гораздо больше места посвящают переживаниям героя в те минуты, когда он вечером натягивает на себя пижаму или снимает ее утром».

Вопрос о том, нужно ли рассказывать о пикарных переживаниях или о лунной ночи, вопрос метода и стиля каждого художника. Иной поэт может целый мир раскрывать, путешествуя вокруг собственного письменного стола; а другой едва наметит душевную драму, описав десятки физических перемещений и экзотических стран. Дело не в этом, и здесь бесспорны утверждения Бунина: независимо от того, что описывается и какое место в творчестве того или иного писателя занимают вещи, природа, мир телесный, необходима **изобразительность**, т. е. способность вызвать в читателе ощущение бытия и видимости описываемого. Без этой изобразительной способности рассыпаются прахом многие недурно задуманные, но не осуществленные, а значит для искусства не существующие произведения.

Бунин назвал свою статью «На поучение молодым писателям», и в конце ее замечает, что литературную молодежь «уж черезчур много учат, просто задержали. Над ними дежно и ношно стонут, подобно чеховской няньке: «пропали ваши головушки!» И Адамо-

вич их за одно журит, а, напр., Осоргин за другое — один за бытовизм, а другой за отсутствие опого». Конечно, переучивать не следует, и толку от литературных стонов мало. Но и учиться молодежи за рубежом трудно, потому что скучна литературная жизнь в эмиграции и очень редко на страницах ее газет и журналов затрагиваются вопросы, серьезный разбор которых, без всякой примеси полемиического или политического задора, мог бы принести пользу начинающим писателям.

НОВАЯ КНИГА М. АЛДАНОВА.

Можно по разному оценивать Алданова романиста, но несомненна значительность Алданова эссеиста. В русской литературе не слишком распространен этот жанр очерков о людях и событиях, прекрасно известный во Франции, а особенно в Англии, где он нашел такого выдающегося мастера, как Уолтер Пейтер с его «Воображаемыми портретами». Быть может «воображаемыми» являются и те характеристики, которые в своей новой книге «Современники» дает Алданов Клемансо и Ллойд - Джорджу, Блюму и Черчиллю.

Типичный западник Алданов отличается всеми качествами аналитического ума: он насмешлив, несколько сух, обнажает неприглядную истину от всяких иллюзий, доискивается до «истинных причин» человеческих побуждений и действий и безжалостно разруша-